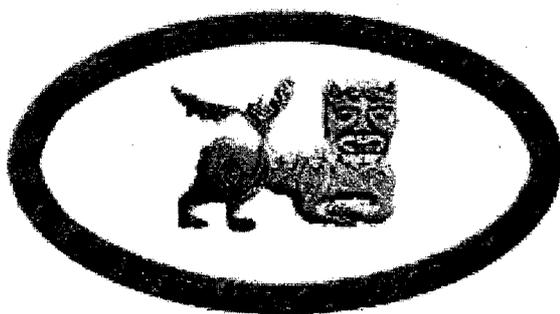

Российская академия наук
Институт всеобщей истории

Ростовский музей-заповедник

**Древняя Русь
и средневековая Европа:
возникновение государств**

**Ancient Rus'
and Medieval Europe:
The emergence of states**

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
PREPRINTS**

Москва 2012 Moscow

their companions, who were martyred in Poland before undertaking mission. Although there is no vita of Bruno, his life was recorded by his cousin Thietmar, and by Peter Damian, while there is a brief record of his martyrdom, also among the Prussians. More important still is Bruno's letter to the emperor Henry II, where he talks at length about his own missionary work, especially among the Pechenegs, which he undertook from Kievan Rus.

The evidence relating to these three saints provides us not just with a chronology of their missions, but more importantly with an insight into their experiences as they worked within alien societies. Indeed, it is in the insights that they provide of the missionary in action that these figures and the texts associated with them are most important.

Ян Вуд (Лидс)

Западные миссионеры в Восточной Европе, 962–1009 годы

В конце X – начале XI в. немало миссионеров отправилось из Германской империи с намерением нести Слово Божье на Русь и к восточным славянам. Ни одна из этих миссий не удалась, но письменные сведения о них освещают опыт миссий на чужой территории.

О самой ранней из них, миссии Адальберта Магдебургского, говорится в хронике Титмара Мерзебургского и в дополнении, скорее всего автобиографическом, к хронике Регинона Прюмского под 962 г. Дополнительным источником для оценки позиции Адальберта могут служить Чудеса Горгония и связанное с этим послание Милона Минденского, автором которого недавно признан Адальберт.

Вторым известным миссионером был ученик Адальберта Магдебургского Адальберт Пражский, которого ранее считали автором Чудес Горгония. Его миссия к пруссам после краха его епископата в Праге прекрасно отражена в ряде житий святых, особенно в житиях, написанных Иоанном Канапарием и Бруно Кверфуртским; оба располагали информацией от Радима Гауденция, сводного брата и спутника Адальберта, свидетеля его мученичества.

Последним известным миссионером этого периода был Бруно Кверфуртский, автор двух Житий Адальберта, а также Жития Бенедикта, Иоанна и их спутников, принявших мученическую смерть в Польше, не начав миссии. Жития Бруно нет, но о его жизни повествуют его двоюродный брат Титмар и Пётр Дамиани, имеется краткий рассказ о его мученичестве среди пруссов. Более важный источник – письмо Бруно императору Генриху II, в котором он подробно расска-

зывает о своей миссионерской деятельности, особенно среди печенегов, к которым он отправился из Киевской Руси.

Сведения об этих трех святых дают нам не только хронологию их миссий, но нечто гораздо более важное: возможность постичь их поведение и действия внутри чуждых обществ. Значение этих фигур и связанных с ними текстов именно в этом.

А.А. Гунпиус (Москва)

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙШИХ ЭТАПОВ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

1. Исходными для данного доклада являются следующие положения, обоснованные в цикле работ автора по истории начального летописания (Гиппиус 1997; 2001; 2006; 2007; 2008 и др.) и критически развивающие модель этой истории, предложенную А.А. Шахматовым.

Непосредственным предшественником «Повести временных лет» (ПВЛ), созданной около 1115 г. в Киево-Печерском монастыре, был Начальный свод 1090-х годов (Св1090), текст которого по 1015 г. достаточно точно отражен Новгородской I летописью младшего извода (Н1мл.). На Св1090 был основан уже новгородский свод Мстислава 1115 г. – протограф старшего извода Н1 (Синодального списка).

В основе рассказа Св1090 о событиях древнейшей (до конца X в.) истории Руси лежало не членившееся на годовые статьи повествование свода 1070-х годов (Св1070). Хронологическая сеть была внесена в это повествование в Св1090.

В основу Св1070 легло «Сказание о русских князьях» (термин М.Н. Тихомирова) или «Древнейшее сказание» (термин К. Цукермана), созданное на рубеже X–XI вв. и составившее нарративное ядро будущей ПВЛ.

Общие контуры эволюции, которую содержание Начальной летописи претерпело в этой последовательности летописных памятников, представляются следующими.

Древнейшее сказание (далее просто Сказание) представляло собой основанный на устном предании очерк истории Русской земли от основания Киева до крещения Владимира; оно вклю-

чало рассказы о хазарской дани, призвании варягов, завоевании Игорем Киева, походе Олега на Византию, убийстве древлянами Игоря и мщении Ольги, походах Святослава, усобице его сыновей, начале княжения Владимира и его крещении (от первоначального рассказа о котором в ПВЛ сохранился эпизод «испытания вер»).

В Св1070 история Руси была впервые включена в общеславянскую перспективу и – через нее – в перспективу всемирной (библейской) истории. Намеченная во введении к своду, впоследствии значительно распространенном в ПВЛ, эта перспектива была развернута в «Речи философа», включенной в летопись вместе с новой, корсунской версией рассказа о крещении Владимира. На данном этапе был введен и эпизод крещения Ольги, идейно и текстуально увязанный с корсунским сюжетом, а также рассказ о жизни Владимира после крещения. К Св1070 мы относили и первоначальное повествование о событиях эпохи Ярослава Мудрого, включая и рассказ об убийстве Бориса и Глеба.

В Св1090 история Руси была выстроена в новой, «имперско-эсхатологической» перспективе – как история страны, избранной Богом в «последние времена». Эта перспектива объединяет основные добавления, сделанные на данном этапе. К ним относятся: Предисловие (заменившее собой Введение Св1070), хронологическая сеть и заголовки, отмечающие начала княжений, вставки из Хронографа, библейская параллель в рассказе о хазарской дани, агиографические и гомилетические вставки в рассказах о крещении Ольги, Владимира и киевлян, подборка цитат из пророков и богословская интерполяция в «Речи Философа», наставление Владимира в вере после крещения и некоторые другие.

2. Анализ новейших работ по истории начального летописания, в целом утверждая нас в предложенной стратификации текста ПВЛ, требует в то же время внесения в нее определенных поправок. Во-первых, как показали П.В. Лукин (2007) и С.М. Михеев (2009), рассказ статьи 1015 г. Н1мл. о событиях в Новгороде и сборах Ярослава в поход на Святополка не просто первичен по отношению к ПВЛ, но восходит к памятнику, более древнему, чем Св1090, в котором еще не было погодной хронологиче-

ской сетки. С другой стороны, согласно убедительной гипотезе С.М. Михеева, читавшийся в этом памятнике рассказ о событиях, последовавших за смертью Владимира, еще не упоминал об убийстве Бориса и Глеба, представляя борьбу Ярослава со Святополком как чисто династический конфликт. Эти положения вступают в противоречие с нашей схемой, рассматривавшей рассказ об убийстве Бориса и Глеба как органическую часть продолжения, которое текст Сказания получил в Св1070.

Согласно С.М. Михееву (2011), исходный рассказ о событиях 1015–1016 гг. читался уже в составе Сказания, которое исследователь, вслед за К. Цукерманом, датирует 1017 г.; вставку в этот рассказ истории Бориса и Глеба Михеев считает синхронной появлению его продолжения в Св1070. Однако предполагаемый таким образом разрыв более чем в полвека между описанием начала борьбы Ярослава со Святополком и ее непосредственного продолжения вступает в противоречие как с литературной однородностью летописного рассказа, так и с исторической достоверностью описания битвы на Буге, подтверждаемой свидетельством Титмара Мерзебургского. Соглашаясь с Н.И. Милютенко (2006), считающей первоначальное описание эпохи Ярослава произведением одного автора, мы в то же время не видим оснований пересматривать ранее обоснованное положение, согласно которому в Сказании это описание еще отсутствовало.

Согласовать эти положения с тезисом о вставном характере рассказа о Борисе и Глебе несложно – нужно лишь предположить, что продолжение Сказания повествованием о событиях первой половины XI в. появилось ранее составления Св1070, в котором оно было интерполировано вставным рассказом о Борисе и Глебе.

В каком отношении к продолжению Сказания находятся в таком случае другие тексты, появление которых в составе Начальной летописи мы до сих связывали с составлением Св1070? Теоретически, вопрос допускает два варианта решения.

Вариант А: Первоначальное описание событий эпохи Ярослава Мудрого представляло собой простое продолжение Сказания и не было сопряжено с распространением его текста за IX–X вв.; указанные добавления появились в Св1070, одновременно со вставкой рассказа об убийстве Бориса и Глеба.

Вариант Б: Первоначальное описание событий эпохи Ярослава Мудрого появилось одновременно с распространением исходного текста Сказания; вставка в него рассказа о Борисе и Глебе была произведена на следующем этапе редактирования.

Из этих двух вариантов мы выбираем второй. Свидетельство того, что продолжение Сказания за первые десятилетия XI в. было с самого начала увязано с интерполяцией текста в его исходных пределах, мы видим в статье 1018 г. ПВЛ. Сообщая об уходе Болеслава из Киева, летопись отмечает, что к награбленному имуществу польский князь «приставил» Анастаса Корсунынина – настоятеля Десятинной церкви. Если эта деталь восходит к первоначальному рассказу (в чем сомневаться оснований нет), то последний мог появиться лишь в своде, уже излагавшем корсунскую версию крещения Руси, по нашей оценке – вторичную в начальном летописании.

Итак, между Сказанием и Св1070 мы реконструируем промежуточный этап. Обозначаем его, пока условно, как «свод 1060-х годов» (Св1060).

3. Определение источника статьи 1016 Н1 как Св1060 заставляет заново рассмотреть вопрос о соотношении двух вариантов рассказа о Любечской битве, представленных в ПВЛ и Н1. Решение этого вопроса А.А. Шахматовым было чрезвычайно сложным, предполагая соединение двух аутентичных описаний битвы – киевского и новгородского – в трех гипотетических сводах XI–XII вв. (Новгородском своде 1050 г., Киевском Начальном своде 1095 г. и Новгородском архиепископском своде 1167 г.). Новейшие объяснения признают один из двух вариантов первоначальным, а другой вторичным; при этом Л. Мюллер и П.П. Толочко отдают предпочтение ПВЛ, а К. Цукерман и С.М. Михеев – Н1. Выбрать из двух вариантов оказывается невозможно, так как оба они, каждый по-своему, демонстрируют черты первичности. Разрешить этот парадокс помогает структурный анализ описаний битв Ярослава, обнаруживающий общность литературной манеры, представленной во всех описаниях, за исключением рассказа о битве на Альте. Особое положение последней хорошо согласуется с трактовкой рассказа об убийстве Бориса и Глеба как вставки в первоначальное повествование о борьбе Ярослава со Святополком. Что же касается литературного сходства двух описаний Любечской битвы, то оно нахо-

дит следующее объяснение: в рассказе НПЛ действительно соединены два описания, но это не два разных описания одной битвы (как считал Шахматов), а описания двух разных битв – Любечской 1016 г. и еще одной, «безымянной» битвы Ярослава, упоминание о которой сохранилось в ипатьевском тексте ПВЛ в конце статьи 1018 г.: «И поиде Ярославъ на Святополка, и побѣди Ярославъ Святополка, и бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы» (последней фразой заканчивается и рассказ о Любечской битве в Н1).

Мы считаем, что первоначальный рассказ о борьбе Ярослава со Святополком включал описания трех битв – при Любече, на Буге и «безымянной». Святополк после первого поражения бежал в Польшу, откуда вернулся с Болеславом, а после второго – к печенегам; более о нем ничего не сообщалось.

Составитель Св1070, внесший в летопись рассказ об убийстве Святополком Бориса и Глеба, сконструировал финальную битву Ярослава со Святополком – на Альте, в месте гибели Бориса, после которой убийца бежал и бесславно погибал «между чехи и ляхи». Поскольку вторая битва со Святополком оказывалась в этой ситуации функционально излишней, сводчик, не желая перегружать свое повествование батальными сценами, сократил ее, сведя к простому упоминанию. Составитель новгородского свода 1115 г. – протографа НПЛ, независимым образом использовавший Св1060, также сократил его рассказ о битвах Ярослава, но по-другому: он объединил две победоносные битвы в одну, устранив разделявший их рассказ о поражении Ярослава на Буге. Скомпонованная таким образом статья 1016 г. Н1 превратилась в рассказ о том, как новгородцы, несмотря на нанесенную им обиду, помогли Ярославу завоевать киевский стол и были им за это награждены.

4.1. Определяя источник статьи 1016 г. обоих изводов Н1 как Св1060, мы отчасти усваиваем ему содержание реконструированного Шахматовым Новгородского свода XI в. В работе Гиппиус 1997 мы предположили, что рукопись этого свода была трижды использована в новгородском летописании: в своде начала XII в. – протографе Н1ст., своде 1167 г. – протографе Н1мл., и Новгородско-Софийском своде XV в., первоначальный вид которого в настоящее время сближается с первой подборкой Новгородской Карамзинской летописи (далее: НК). Сходной

точки зрения придерживается и Н.И. Милютенко (2006). В наших последующих работах уникальные известия НК для реконструкции истории начального летописания не привлекались; не учитываются они и в построениях К. Цукермана и С.М. Михеева. Между тем аутентичность данной группы известий представляется высоковероятной, учитывая как характер информации, так и хронологическую компактность группы. Основной массив уникальных известий НК находится в статьях 1017–1054 гт., однако часть сведений, помещенных под 1054 г., относится к более поздним событиям; последним из них можно считать раздел Смоленской земли, произведенный после смерти Вячеслава Ярославича в 1060 г. Проступающие в тексте НК черты неразделенного на годы повествования позволяют считать, что составителем Новгородско-Софийского свода был использован тот же источник, которым воспользовался составитель протографа Н1 ст. в статье 1016 г. В Н1мл. к тому же источнику могут восходить упоминание «грамоты и устава», данных Ярославом новгородцам в 1016 г. (ср. в НК упоминание двух грамот под 1020 и 1036 гт.), а также ряд известий середины XI в., последнее из которых – сообщение о походе Изяслава на сосолов 1060 г. Тот факт, что 1060 г. является рубежом как для НК, так и для Н1, склоняет к мысли, что составителями свода 1167 г. и Новгородско-Софийского свода был использован общий источник, доведенный до этого времени. Возвращаясь, таким образом, к представлению о трехкратном обращении новгородских книжников к летописному источнику XI в., мы теперь видим в этом источнике не новгородское ответвление от ствола начального летописания (каким предстает Новгородский свод 1050 г. в схеме Шахматова), а этап в развитии самого этого ствола, промежуточное звено между Древнейшим сказанием и Св1070, которое мы и определяем как Св1060.

4.2. Связь большинства известий НК, которые мы возводим к этому источнику, с Новгородом, не противоречит такой трактовке. Мощная новгородская составляющая присутствует и в повествовании о борьбе Ярослава со Святополком, вошедшем в ПВЛ. Для текста, появившегося в княжение Изяслава Ярославича (чья фигура является центральной в рассказе о событиях второй половины 1054 – 1060 г.), соединение киевского и новго-

родского начал вполне естественно: Изяслав был одновременно князем Киева и Новгорода, с равной активностью действуя на юге и севере Руси. Составитель Св1060, созданного в его окружении, вполне мог быть новгородцем по происхождению. Именно ему мы атрибутируем ремарку от первого лица в статье 1030 г. НК: «и преставися архиепископ Аким и бяше ученик его Ефрем иже ны учаше».

Представление о Св1060 как общем источнике ПВЛ и НК хорошо объясняет наличие в последней сведений, опущенных в ПВЛ, но содержательно связанных с ее известиями. К их числу относятся: информация о судьбе посадника Константина Добрынича (под 1020 г.), действующего в статье 1018 г. ПВЛ; упоминания грамот Ярослава Новгороду, перекликающиеся с письменной «клятвой», скрепившей пожалование Владимиром десятины церкви Богородицы; краткая характеристика Ярослава под 1036 г., входящая в ряд «соматопсихограмм» князей XI в., основанных на византийских образцах (Н.И. Милютенко) и некоторые другие. В то же время такая трактовка проливает новый свет на происхождение ряда сюжетов и эпизодов ПВЛ, которые мы ранее относили к Св1070 и должны теперь отнести к Св1060.

Это прежде всего корсунская версия крещения Руси. Ее проводником в начальном летописании следует, на наш взгляд, считать не клир Десятинной церкви (настоятель которой Анастас Корсунянин представлен в ПВЛ как человек, совершивший двойное предательство), а церковные круги, связанные с другим выходцем из Корсуня – новгородским епископом Иоакимом. Как «Аким Корсунянин» он упоминается в летописном списке новгородских владык, а также в рассказе о крещении Новгорода, читающемся под 989 г. в Н1мл. и, в более полном объеме, в НК. В литературном отношении этот рассказ столь тесно связан с описанием низвержения идолов в ПВЛ, что восхождение и его к Св1060 представляется весьма вероятным. Упоминание «питьблянина» (жителя Питебского погоста), оттолкнувшего идола Перуна от берега, вписывается в один ряд с новгородскими реалиями рассказа о событиях 1015 г. (Ракомо, «Парамонь двор»). Полагаем, что в Св1060 рассказ о крещении Новгорода следовал за фразой, описывавшей распространение христианства в Русской земле после крещения Киева: «И нача ставити по градомъ

церкви и попы и люди на крещение приводя по вѣсѣмъ градомъ и селомъ. И приде къ Новгороду епископъ Акимъ Корсунянинъ, и требища разруши...». В статью 989 г. он мог быть перенесен при делении текста на годовые статьи составителем Начального свода.

К Св1060 мы должны теперь отнести и первоначальный вид этногеографического введения Начальной летописи. Открывающий его рассказ о разделе земли сыновьями Ноя неоднократно сопоставлялся с триумвиратом Ярославичей. Симптоматичным образом, установление этой политической системы относится как раз ко времени около 1060 г., после смерти Вячеслава Ярославича, а ее первым зримым воплощением является раздел Смоленской земли, сообщение о котором НК («И по семь разделиша Смольньскъ на три части») прямо перекликается с библейским зачином ПВЛ: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю... и живяху къждо въ своеи части».

В новом свете предстает и рассказ Введения о расселении славян. Роль новгородского фактора в Св1060 позволяет оценить то обстоятельство, что новгородские словене выступают в этом рассказе как славяне *par excellence*, «прозваншиися своим именем». Только они, поселившись у Ильменя, основывают город и нарекают ему имя. НК добавляет: «и посадиша старѣишину Гостомысла». Бытующее мнение о позднем происхождении этой фразы не объясняет присутствия имени Гостомысла (несомненно, аутентичного и неизвестного из других древнерусских источников) в списке новгородских посадников. Представляется, что, как и Аким Корсунянин, открывающий список новгородских епископов, Гостомысл попал в список не из устного предания, а непосредственно из Св1060.

Таким образом, Св1060 предстает перед нами как созданный в окружении Изяслава Ярославича общерусский по своему характеру летописный памятник, новгородская составляющая которого была основательно сокращена в ходе дальнейшего развития киевского летописания. Такое понимание этого летописного этапа во многом созвучно соображениям М.Х. Алешковского (1971) о «Начальной летописи» Изяслава 1060-х годов как главным источнике «авторской» редакции ПВЛ (Начального свода).

Литература

- Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
- Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: Сб. к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
- Гиппиус А.А. Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 20–23.
- Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3–20.
- Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua*. Исслед. и мат.-лы. СПб., 2006. С. 156–169.
- Милютенко Н.И. Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). СПб., 2007. Т. 58. С. 586–606.
- Михеев С.М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.
- Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? М., 2011.
- Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 183–305.
- Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (6) // *Zeitschrift für Slawische Philologie*. 2006. Bd. 64, Heft 2. S. 245–278.

Aleksey Gippius (Moscow)
Towards the Reconstruction of the Earliest Stages
of Russian Chronicle-Writing

The paper presents a revised version of the author's hypothesis concerning the sequence of stages of compilation of the Russian Primary Chronicle (PVL). The Compilation of the 1060s is introduced as an intermediary stage between the Oldest Narration of the early 11th century and the Compilation of the 1070s. The author argues that it was at this stage that the events of the

age of Yaroslav the Wise were narrated for the first time without mentioning the murder of St Boris and Gleb. The narrator belonged to the quarters of Izyaslav Yaroslavich and paid special attention to Novgorod affairs. Despite the abbreviations that Compilation 1060 underwent in the PVL, its contents can be reconstructed through the First Novgorodian Chronicle and Novgorodian Karamzin Chronicle.

А.А. Горский (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОСАДНИЧЕСТВА НА РУСИ

Должность *посадника* – княжеского наместника в городе – начинает упоминаться в отечественных источниках с описания событий последней четверти X в. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75, 125). К этому же времени относится посажение киевским князем (Владимиром Святославичем) своих сыновей в главных центрах подвластной ему территории (Там же. Стб. 121). По сути и князя, и посадники не княжеского статуса выполняли одну функцию – наместников вышестоящего правителя. Территории, управлявшиеся князьями, получили наименование *волостей* (см.: Горский и др. 2008. С. 13–18); бояре же сажались в городах – опорных пунктах княжеской власти внутри волостей, или могли замещать князя в столице волости во время его отсутствия по тем или иным причинам (см.: Горский 1996). С укоренением наместников киевского князя прекращают существование так называемые «славинии» – догосударственные славянские общности во главе с собственными князьями¹. Вопрос о формировании новой системы управления имеет особое значение, поскольку в современной политической антропологии именно переход к управлению подвластными территориями через лиц, назначаемых верховным правителем, признается чертой, отделяющей государство от предшествующей стадии политического развития – «вождества». Поэтому необходимо рассмотреть сведения о посадниках (далее так условно именуются наместники как боярского, так и княжеского статуса²) до владимировой эпохи.

В «Повести временных лет» (ПВЛ) первое известие о посажении наместников относится к рассказу о деятельности Рюри-